

**ИМАГОЛОГИЯ И ТРАВЕЛОГ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА
«ЧУЖИХ» СТРАН И НАРОДОВ**

К. В. Капустянская (Саров), **Н. А. Кубанев**, **Л. Н. Набилкина** (Арзамас)

Статья раскрывает содержание понятий «имагология» и «художественная имагология». В ней дается описание понятия «травелог» и приводятся примеры наиболее удачных и известных из них. Автор прослеживает становление художественной имагологии как способа изучения «чужой» культуры. Этот аспект рассматривается на примере произведения «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна. Данное направление дополняется также рассмотрением травелога французского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Автор приходит к выводу, что имагология, нашедшая свое отражение в травелогах, дает зримое восприятие народа и страны, ее культуры и образа жизни.

Ключевые слова: имагология, травелог, Стерн, Карамзин, Кюстин, «чужая культура».

**IMAGOLGY AND TRAVELOGUE: THE FORMATION OF THE IMAGE
OF «FOREIGN» COUNTRIES AND PEOPLES**

K. V. Kapustyanskaya (Sarov), **N. A. Kubanev**, **L. N. Nabilkina** (Arzamas)

As the title implies, the article describes the content of the concepts of imagology and artistic imagology. Also, the authors give a description of the concepts of travelogue and the most successful of them are indicated. The authors' attention is given to the development of artistic imagology as a way of learning a foreign culture. This aspect is based on the example of L. Stern's «Sentimental travel». This area is also complemented by the consideration of the travelogue of French Marquis Astolphe de Custine «Russia in 1839». The authors come to the conclusion that imagology reflected in the travelogues gives a visual perception of the people and the country, their culture and lifestyle.

Keywords: *imagology, travelogue, Stern, Karamzin, Custine, «foreign culture».*

© Капустянская К. В., Кубанев Н. А., Набилкина Л. Н., 2015

Капустянская Ксения Викторовна – учитель английского языка, МБОУ СОШ №5 (г. Саров Нижегородской области), аспирантка, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал).

E-mail: kapustianskaja2015@yandex.ru

Кубанев Николай Алексеевич – доктор культурологических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал).

E-mail: nik-kubanev@yandex.ru

Набилкина Лариса Николаевна – доктор культурологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал).

E-mail: nabilkina@yandex.ru

Kapustyanskaya Kseniya V. – English teacher, secondary school №5 (Sarov, Nizhny Novgorod region), degree seeker, Ivanovo State University (Shuysky branch).

Kubanev Nikolai A. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Lobachevskii Nizhny Novgorod State University (Arzamas branch).

Nabilkina Larisa N. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Lobachevskii Nizhny Novgorod State University (Arzamas branch).

Имагология – междисциплинарная наука, изучающая образы «чужих» стран и народов, в том числе и в аспекте философии. Причем на первый план выступает не сам объект наблюдения, а отношение наблюдающего к этому объекту, выраженное в травелоге. Травелог – это особый жанр путевых заметок, сопровождаемый различными отступлениями разного свойства: лирическими, политическими, экономическими, социальными и т. д. Изучение чужих культур – важнейший аспект имагологии. Термин «чужой» несет несколько негативную коннотацию, «чужой» противопоставляется «своему». Как только человек научился выделять себя из мира животных, он начал противопоставлять себя «чужим»: чужому племени, клану, народу. (В последнее время наука предлагает слова, заменяющие термин «чужой» – слова «иной», «другой».) Процесс самоидентификации занимает особое место в имагологии. Он помогает понять, как формируется народ, нация. Его изучает особая отрасль культурологии – культурологическая иконография, которая в свою очередь тесно связана с имагологией.

«Чужую» культуру исследуют путешественники, ученые, купцы, дипломаты, разведчики, писатели. На основе их наблюдений создаются устойчивые образы – стереотипы. Конечно, стереотип не передает всего спектра, но позволяет уловить, выделить главное, помогает определить ту основу, на которой строится государство и формируется народ.

Художественная имагология изучает процесс восприятия «чужого» образа страны и народа глазами писателей, представителей «чужой» культуры [1]. Одним из первых писателей, отразивших образ Франции в своем произведении «Сентиментальное путешествие» был Л. Стерн [2]. Он ввел в литературу и образ «чувствительного» путешественника – Йорика. «Бедный Йорик» – сентенция, известная каждому школьнику. Но под маской шута писатель изобразил умного и все понимающего человека, который способен заглянуть вглубь «чужой» страны и вынести суждение о «чужом» народе в сравнении со «своим». Л. Стерн заложил традицию сопоставления «чужого» народа со своим собственным, выявляя при этом лучшее и худшее, что есть в обоих. Эту традицию успешно продолжили русские писатели. Например, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина выполняли великую просветительскую задачу: открывали Россию Западу и Запад России [3]. Ведь до выхода этой книги в свет народы Европы очень мало знали о далекой Москве. Перед западным читателем предстал не варвар в медвежьей шкуре, а интеллигентный, умный наблюдатель, способный сравнивать Европу с Россией и далеко не всегда в угоду первой.

Как уже было отмечено, травелогии позволяют выявить лучшее и худшее, что есть в народе. В русских травелогах постоянно сопоставляется русский народ и Россия с «другими» народами и странами. Причем делается это не вполне корректно, хотя и справедливо. Однако и иностранцы позволяют себе выставлять Россию в неприглядном свете. Пример тому – русофобский тра-

велог французского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» [4]. Книга Кюстина рассказывает нам о России времен Николая I, однако мы находим вполне узнаваемые черты настоящего времени: коррупция, всевластие бюрократии, непомерная роскошь кучки нуворишей при полном пренебрежении интересов простого народа. В центре внимания французского маркиза – царский двор и его окружение. Это вполне объяснимо, ибо именно с этим окружением приходилось общаться «путешественнику» и это давало пищу для самой широкой и едкой критики. Но, критикуя придворную камарилью, маркиз достаточно точно определяет политическую тенденцию российского общества: покорность власти при одновременной склонности к бунту. По мнению Кюстина, Россия – страна рабов, российское общество представляется ему царством послушных автоматов, а не живых людей. Постоянное подавление личности и отсутствие элементарных гражданских свобод выработало у русских специфическое качество – лукавство, поэтому он относит всех русских к «азиатам». Ему кажется, что он «попал в Персию». Но за показной покорностью у русских скрываются живые чувства и неутоленные амбиции. «Русские не только склонны к насмешке, они холодны, хитры и малоделикатны, как все честолюбцы», – обобщает маркиз, совершенно не делая различий между слоями общества [4, с. 430]. Может быть, это суждение и справедливо касательно представителей высших слоев общества, среди которых вращался А. де Кюстин, но совершенно несправедливо по отношению ко всему русскому народу. Русские издавна славятся радушием, гостеприимством и открытостью.

Однако французский маркиз отметил особенность, о которой заговорили культурологи лишь в конце XX в. Народы мира делятся на народы низкоконтекстной и высококонтекстной культуры. Западные народы, в том числе французы, англичане, немцы и американцы, относятся к низкоконтекстной культуре. Они, как правило, излагают свою просьбу в начале разговора, у них не принято отказываться, если тебе на самом деле чего-то хочется, в свою очередь они никогда не будут предлагать дважды, если в первый раз услышали отказ. Русские же – представители высококонтекстной культуры, поэтому мы, как правило, отказываемся от первого предложения, надеясь на то, что желаемое нам будет предложено во второй и в третий раз. (Вспомните русские народные сказки или историческую поэму А. С. Пушкина «Борис Годунов».) Мы высказываем свою просьбу в конце, как бы между делом, ибо по законам вежливости в начале разговора или письма следует расспросить хозяина о здоровье его самого и близких и т. д. Даже если вы стеснены в средствах, вы всегда найдете, чем угостить гостя. Западные иностранцы в светское время видели в этом скрытый смысл: не такие уж они и бедные, если могут накрывать роскошные столы и дарить гостям дорогие подарки. Конечно, это все последствия влияния Востока, с которым русские были связаны гораздо сильнее, чем с Западом.

Русские для Кюстина – не более чем дикари. Об этом он безапелляционно заявляет в своей книге: «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится. Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре? Я уже говорил и повторяю это еще раз? Русские не столько хотят быть цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, варвары знакомы с огнестрельным оружием» [4, с. 434]. В этих фразах заключено не только утверждение о варварской сущности русского народа, но и предупреждение всему «цивилизованному миру» об агрессивности русских и смертельной опасности, которую таит этот народ.

И все же травелог Кюстина дает читателю представление о России XIX в. Кюстин описывает основные города Северной и Центральной России: Петербург, Тверь, Москву и Нижний Новгород, подмечая их особенности, достоинства и недостатки. Описания эти довольно выразительны и живописны. Начинается травелог с описания Петербурга. Но с самых первых строк маркиз не удерживается от колкостей. Он пишет, что сам город и сфинксы на его набережной производят величественное впечатление, но тут же добавляет, что эти сфинксы – «слепки античного творчества» – выглядят нелепо на фоне современных зданий и церквей, сохраняющих русский «национальный стиль» и в то же время не принадлежащих русскому наследию, а заимствованных у Византии. При осмотре гранитной набережной Невы он обращает внимание, что хотя издали она выглядит «величественно и красиво», вблизи видно, что гранитная набережная сделана «из плохого и неровного булыжника, столь неказистого на вид и столь неудобного как для пешеходов, так и для езды» [4, с. 424]. И тут же с сарказмом отмечает: «Впрочем, здесь любят все показное, все, что блестит...» [4, с. 434]. Далее маркиз осматривает Петербург, его отдельные наблюдения верны. Он наблюдает за строительством Исаакиевского собора и Зимнего дворца, рассказывает читателям об ужасной судьбе его строителей, вынужденных работать до потери сил, попадая из ужасной жары в лютый холод. Даже работа каторжников на рудниках Урала не была такой ужасной. Рабочие почти без вознаграждения, по воле царя воздвигали это величественное сооружение в городе, который начал строить император Петр I. Здесь мы погружаемся в историю нескольких императоров и в рассуждения о природе рабства. «Да, можно сказать, что весь русский народ, от мала до велика, опьянен своим рабством до потери сознания», – заканчивает свой эскерсис в русскую историю маркиз [4, с. 430].

«Петербург утром. Безлюдные улицы. Если промчится тройка, то это либо офицер, едущий с докладом к начальству, либо фельдъегерь, скачущий с поручением. На улицах очень мало женщин, да и те некрасивы. Одним словом – казарма». Таким представляется маркизу утренний город. За его описанием как всегда следует глубокомысленная сентенция: «Кажется, что тень смерти нависла над всей этой частью земного шара» [4, с. 432]. Но, когда наступает день, все немного оживляется, появляется множество прогулочных колясок. За подобным наблюдением вновь следует «глубокомысленный» вывод на сей раз о русском искусстве: «Сам воздух этой страны враждебен искусству. Все, что в других странах развивается совершенно естественно, здесь удастся только в теплице. Русское искусство всегда останется оранжерейным цветком» [4, с. 433].

Травелог изобилует сентенциями, и не все они саркастичны, некоторые очень глубоки. Вот одна из них: «Если в России молчат люди, то за них говорят – и говорят зловеще – камни» [4, с. 435]. Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое было неизвестно в культурологической науке до недавнего времени – город как текст. О культурологическом образе города говорят здания, другие архитектурные объекты и т. д. В данном случае историю города и историю людей, живущих в этом городе, действительно, рассказывают камни. «Я не удивляюсь, что русские боятся и предают забвению свои старые здания. Это свидетели их истории, которую они чаще всего хотели бы, возможно, забыть. Когда я увидел глубокие каналы, массивные мосты, пустынные галереи этого мрачного дворца, я невольно вспомнил о том имени, которое с ним связано, и о той катастрофе, которая возвела Александра на трон», – продолжает рассказ о русской истории Кюстин [4, с. 435]. И надо сказать, что этот рассказ достоверен.

Таким образом, травелог маркиза не только повествовал о России вообще, не только рассказывал Европе о нравах и обычаях русских, о дворе и придворной камарилье, но и рисовал широкую панораму русской истории, хотя и наполнял этот рассказ русофобским духом, рисуя читателю мрачные сцены из придворной жизни, как будто речь шла об императорах Древнего Рима или Византии. Несмотря на русофобство, Кюстин не может не восхититься городом и Невой: «Нева, ее мосты и набережные – это действительная гордость Петербурга. Вид Невы так величествен, что по сравнению с ней все остальное кажется мизерным» [4, с. 437]. И вновь маркиз подчеркивает азиатскую природу России, говоря о Петропавловской крепости и останках «властителей России», в ней хранящихся.

Книга Кюстина до сих пор привлекает внимание и иностранцев, и русского читателя своей злободневностью. Многие черты России и русского народа оказались неизменными. Травелог Кюстина содержит нелюбимые суждения о России, поэтому неудивительно, что он был запрещен к изданию в Российской империи. Лишь в 1910 г. был опубликован перевод,

весьма далекий от оригинала, с многочисленными купюрами. Сокращенный перевод издавался еще в 1930 г. на закате свободы литературных мнений, он был издан уже в «новой» России в 1990 г. Лишь в 1996 г. русский читатель получил возможность познакомиться с полным переводом книги.

Травелог привлек внимание всего мира тем, что помог ответить на многие вопросы о России, не только царской, но и советской, да и современной. Таким образом, имагология, нашедшая свое отражение в травелогах, дает зримое восприятие народа и страны, ее культуры и образа жизни. Существует мнение, что чем ближе культуры, тем ближе народы, тем быстрее они находят понимание друг с другом. Между тем история говорит об обратном: мы готовы понять тех, кто представляет культуры, далекие от нашей. Мы готовы простить им любые коммуникативные сбои, потому что они – «другие» Почему русские с трудом находят общий язык с близкими им по культуре украинцами? Стоило прийти к власти русофобствующим силам, и «дружба» между нашими народами начала стремительно исчезать. Да, мы продолжаем говорить, что русские и украинцы – два братских народа, но та русофобствующая вакханалия, которую мы наблюдаем на Украине, заставляет усомниться в справедливости этого тезиса.

Ответ прост: чем больше видимость близости культур, тем сильнее импульс к сохранению национальной идентичности, своего языка, национального характера, одним словом, к самоопределению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Папилова Е. В.** Имагология как гуманитарная наука // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – №4. – С. 31–40.
2. **Стерн Л.** Сентиментальное путешествие. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lib.ru/INOOLD/STERN/stern_puteshestvie.txt (дата обращения: 22.01.2015).
3. **Карамзин Н. М.** Письма русского путешественника. – [Электронный ресурс]. – URL: http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text (дата обращения: 22.01.2015).
4. **Кюстин А.** Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. – 719 с.

REFERENCES

1. **Papilova E. V.** Imagology as a part of humanities. – Bulletin of the M. A. Sholokhov Moscow State Humanitarian University. Philological sciences. – 2011. – No. 4. – P. 31–40.
2. **Stern L.** A sentimental journey. – [Electronic resource]. – URL: http://www.lib.ru/INOOLD/STERN/stern_puteshestvie.txt (date of access: 22.01.2015).
3. **Karamzin N. A.** Letters of a Russian Traveler. – [Electronic resource]. – URL: http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text (date of access: 22.01.2015).
4. **Custine A.** Russia in 1839. – Russia of the first half of the XIX century through the eyes of foreigners. – Leningrad 1991. – 719 p.

Принята редакцией: 13.09.2015